

РУССКАЯ ДИАСПОРА В СЕВАСТОПОЛЕ

Крымской геополитической проблемы в глазах ведущих мировых политиков официально не существует. Иллюстрацией же Крыма как культурной проблемы может быть ситуация из пьесы польского драматурга С. Мрожека, где в финале два матроса, украинский и русский, идут в тумане, широко расставив руки, пытаются найти друг друга, но проходят мимо. По сути, истинное место встречи Украины и России находится именно в Крыму, а точнее – в Севастополе, который воспринимается русскими (независимо от их места жительства) как “город русской славы” и героическая часть русской истории.

Можно сказать, что Севастополь приобрел символическое значение для русского национального самосознания, – и как исток христианства на Руси, и как память о Крымской войне 1853 – 1856 гг. Он стал устойчивой мифотемой, симулякром, свою лепту в который внесли многие писатели, поэты, исследователи.

Крым считался частью российской территории вплоть до 1954 г., когда был передан Украине. Уже с тех пор русские крымчане оказались в сложной ситуации; но если в советское время главной сложностью было “мягкое” введение украинского языка в ряде школ и учреждений, то после распада СССР к языковой проблеме прибавились и многие другие. Положение украинского населения в Крыму тоже не из простых: по сути, украинцы являются меньшинством на их собственной земле. Кроме того, на полуостров возвращаются крымские татары, подвергшиеся политическим репрессиям в сталинское время. Население Крыма сегодня – почти 2,5 миллиона. Этнические русские составляют 64% населения, 23% – украинцы, 10% – крымские татары и 3% приходится на белорусов, армян, греков, немцев, евреев и других. В Севастополе же ситуация даже более драматична: согласно городскому управлению статистики там сейчас постоянно проживает 378,5 тыс. человек (в том числе, 356,9 тыс. городского населения и 21,6 тыс. сельчан), из которых 74,3% – русские, 20,6% – украинцы, 1,9% – белорусы, 0,4% – татары, на

население всех других национальностей приходится в общей сложности около 2,8%¹.

Национально-этническая ситуация в современной Украине сложнее, чем показывают официальные данные переписи 2002 года. Это связано, прежде всего, с большим количеством смешанных браков, которые особенно характерны между украинцами и русскими в силу общности культуры, религии, образа жизни. Во время проведения переписи респонденты должны были выбрать только одну национальность, причем результаты показали, что многие дети от таких смешанных браков, называвшие себя ранее русскими, сейчас предпочли “числиться” украинцами. В результате, по данным переписи, число русских в республике сократилось на 4 млн. человек, или на 26,6%, что отражает не только действительную миграцию и отток русского населения, но и тенденцию увеличения числа людей, называющих себя украинцами, что может рассматриваться как реальные показатели межэтнических отношений. Цифра огромная, которая заставляет задуматься о положении русской диаспоры в Украине.

Национальный бюджет Украины был сильно затронут экономическим кризисом и растущим долговым бременем. Негативные экономические тенденции в силу ряда причин особенно ярко проявились в местах, где процент русского и русскоговорящего населения выше, чем в целом по стране – в Донбассе, в Харьковском регионе, в Крыму. Это привело к тому, что этническая идентичность, которая, как правило, уступает базовым идентичностям, приобрела несвойственное ей ранее значение. Этнокультурная идентификация, которая прежде, в иных условиях, находилась на периферии личностной мотивации, актуализировалась и стала занимать более значимое место в сознании населения; этничность стала дополнительным и вполне реальным *социальным ресурсом*.

Правительство Украины не обладало достаточными возможностями для того, чтобы конструктивно обратить внимание на ухудшающуюся экономическую ситуацию в Крыму. Ограниченные финансовые средства, которые были предназначены, чтобы помочь региону, были значительно сокращены в государственном бюджете. Опыт многих стран показывает, что влияние экономического факто-

ра резко усиливает этнокультурные проблемы на многонациональных территориях: в условиях трудностей ищут “виноватого”, которым всегда оказываются “другие”. В Западной Европе в 70-е годы вошло в обиход понятие “*новая этничность*”. Это понятие связано с групповым поведением, когда группа преследует цели признания ее социально-политических интересов другими группами. В такой ситуации этничность становится одним из источников стратификации². Поэтому при анализе положения в Крыму встает важный вопрос: какую роль играет этничность в реальном и воображаемом социальном неравенстве на полуострове?

Постсоветское развитие Украины шло в условиях глубокого социокультурного кризиса, связанного с разрушением прежней идентичности и поисками новых ценностных ориентиров и норм социальной регуляции. Среди этих ориентиров большое место занимает национальная традиция (как правило, мифологизированная и заново конструируемая), которая становится фактором складывания “воображаемого” этнического сообщества (используя термин Б. Андерсона). Причем процессы эти свойственны как украинской, так и русской общностям. Для большинства людей в неустойчивой ситуации переходного общества семейная и этническая принадлежность (восприятие себя членом “семьи” – маленькой или большой) становится наиболее приемлемым способом вновь ощутить себя частью некоего целого, найти психологическую поддержку в традиции. Отсюда – повышенное внимание к этнической идентификации, потребность консолидации этнической общности, попытки выработки интегрирующего национального идеала в новых социальных условиях, “охранение” и обособление своей национальной мифологии, культуры, истории, языка от других.

Можно назвать, по меньшей мере, три причины подобного повышения роли этничности: во-первых, затянувшийся переход к другому типу социальной организации (реакцией на который является обращение к традиционности и устойчивости), во-вторых, ответ на былую политику русификации в СССР и, в-третьих, направленное идеологическое воздействие. Чрезвычайно важным представляется именно третий фактор: чувство этнического единения возникает не столько стихийно (из сходного жизненного опыта, объективной об-

щности “крови” и “почвы”), сколько формируется целенаправленно. В конечном счете, нация конструируется элитой, ведь вера в наличие неких естественных связей между членами этнической общности значит больше, чем реальное наличие этих связей. В этом смысле, именно идеологи декларируют единство на основе общей истории этноса (о которой рядовой член общности может иногда иметь весьма смутное представление), единой культуры (несмотря на то, что в условиях господства массовой культуры этнодифференцирующий аспект культура имеет, главным образом, лишь для интеллигенции), религии (хотя речь идет в большинстве случаев о мировых религиях, и православный алеут не менее православен, чем православный русский или украинец) и т.д. Национальная идентичность (и украинская, и русская, и татарская) в современном Крыму используется как инструмент для политической “мобилизации” самыми разными силами. Идеологи находят в процедуре этнонациональной идентификации тот ритуал, который позволяет выражать солидарность больших анонимных общностей и является катализатором социальной активности.

Мои размышления, изложенные в данном докладе, затрагивают лишь часть проблемы: речь пойдет о русских в Крыму на примере Севастополя, где присутствие Черноморского Флота России усложняет политическую ситуацию. Весной 2004 г. студентами и сотрудниками Черноморского филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова среди населения города был проведен анкетный опрос с целью выявить взаимосвязь между национальной принадлежностью респондентов и их политической позицией, отношением к будущему Крыма, оценкой влияния национальности на перспективы карьерного роста. Программа исследования предусматривала опрос взрослого (старше 18 лет) населения города. Было опрошено 558 человек, причем распределение респондентов по возрасту и национальности совпало со средними данными Севастопольского городского управления статистики, что позволяет считать выборку репрезентативной.

Один из пунктов анкеты был посвящен оценке межнациональных отношений в регионе. Необходимо отметить, что анкетирование проводилось в относительно спокойной политической обстановке,

за полгода до президентских выборов в Украине, тем не менее более половины опрошенных высказали ту или иную степень озабоченности состоянием межнациональных отношений в регионе.

Большинство опрошенных (278 чел. или около 50%) оценили межнациональные отношения как “внешне спокойные, но внутренне напряженные”, причем украинцами оценки давались более оптимистичные, чем людьми других национальностей. (Самые пессимистичные оценки принадлежали этническим татарам).

Как вы оцениваете межнациональные отношения в Крыму?

Варианты ответа	Количество ответивших	% от общего числа ответивших	Среди опрошенных		
			русских	украинцев	татар
Спокойные	222	40%	35%	53%	32%
Внешне спокойные, но внутренне напряженные	278	50%	51,5%	44%	51,6%
Напряженные	44	8%	9,3%	4%	16%
На грани столкновений	14	1,25%	4%	нет	нет

Проведенное анкетирование и другие исследования показали, что у русских, живущих в Украине, *выше критичность* по отношению к происходящим в стране изменениям, чем у лиц титульной национальности.

Например, согласно данным Stephen Rapawу в 1999 г. только 9% русских на Украине считали, что экономическая ситуация улучшится для их семей в течение следующего года (среди украинцев таких оптимистов 18%). Подобным образом, 22% украинцев ожидали развития демократия в стране, но только 12% русских полагали так же³. Ситуация не изменилась и сейчас, что показало и севастопольское анкетирование: многие русские испытывают психологический дискомфорт, причем “катализатором” для их критичности выступает болезненная проблема языка.

В Украине происходит вполне закономерное и ожидаемое сужение сферы функционирования русского языка. Имевшая в прошлом место политика русификации породила естественное стремление к развитию и распространению украинского языка, пережившего

долгие годы отношения к себе как “второсортному”. Но подобная реакция приводит к крайностям иного рода: согласно официальным данным переписи населения Украины 2002 г. около трети населения Украины считает русский язык родным, тем не менее, вопрос о его статусе обсуждается в стране уже 14 лет и ставится в прямую зависимость от того, кто стоит у руля власти. Многочисленные опросы показывают, что население страны, в том числе и этнические украинцы, в целом толерантно относятся к перспективе двуязычия (в качестве примера ниже приведена диаграмма Фонда общественного мнения, демонстрирующая результаты опроса в июле 2002 г.), но проблема не решается. Как верно заметила Л.М. Дробижева: “Язык в условиях социальных и политических перемен часто играет роль политического символа”⁴.

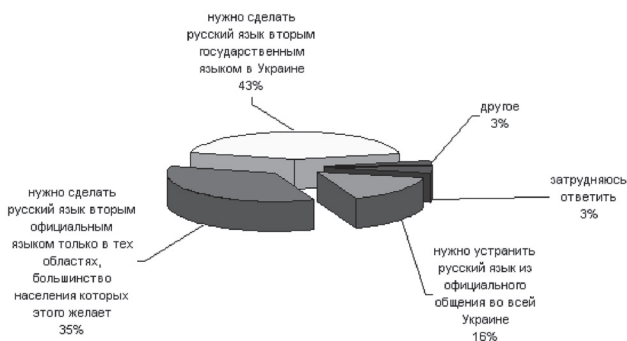
В Крыму, где основным языком общения является русский (в Севастополе, например, даже 70,1% этнических украинцев родным языком считают русский⁵), нерешенность данной проблемы является одним из мощных факторов дестабилизации политической обстановки в регионе, тем не менее, власти идут на такой неоправданный риск и проблема не решается. Интересно, что позиция русских граждан Украины чрезвычайно далека от “великодержавного настроения”. Опрос жителей Севастополя показал, что большинство из них приветствуют изучение украинского языка (“необходимо знать язык страны, в которой живешь”), но считают, что “наравне с украинским необходимо использовать в качестве официального языка русский” (89% опрошенных) как родной для большинства населения региона.

По Ф. Барту не сами культурные различия, а “этническая граница” (маркеры) определяет группу. Маркером могут быть и политические пристрастия. Рабочей гипотезой для проведенного в Севастополе исследования стала идея о “*ресоветизации*” сознания русской диаспоры. Эта гипотеза получила подтверждение лишь отчасти. Действительно, ностальгию по бывшему СССР переживают 49% опрошенных, но у русских она не сильнее, чем у представителей других национальных групп. Гораздо более важным в этом вопросе является фактор возраста, а не национальности (среди лиц старше 55 лет отрицательно относятся к распаду СССР 90%).

В то же время, анкетирование показало, что романтизация СССР – это тоска по сильной государственности и по временам, когда, по крайней мере, минимальные человеческие потребности удовлетворялись правительством, а вовсе не устойчивые идеологические убеждения.

**Опрос населения Украины Фондом общественного мнения
“О статусе русского языка”, 22.07.2002 г.**

Как Вы считаете, какой должна быть государственная политика по отношению к русскому языку в Украине? (Карточка, один ответ.)

В этом смысле показательно, что среди русских оказались не так сильны эгалитаристские убеждения по вопросу о справедливом распределении доходов (сильнее всего они оказались среди татар):

Что такое, по вашему мнению, справедливое распределение дохода?

Варианты ответа	Количество ответивших	% ответивших	Среди опрошенных		
			русских	украинцев	татар
Распределить всю сумму поровну	26	4,65%	2,34%	4,84%	6,45%
Распределить каждому по результатам его работы	446	79,9%	81,9%	72,6%	77,42%
Больше должны получать те, кто больше нуждается	62	11,1%	9,94%	14,5%	12,9%

Руководитель (владелец) должен поделить деньги по своему усмотрению	24	4,3%	3,5%	8%	3,23%
---	----	------	------	----	-------

“Ресоветизация” сознания проявилась ярче всего в том, что большинство опрошенных крымчан, как русских, так и украинцев (!), связали политическое будущее полуострова с Россией.

Какое политическое будущее вы считаете предпочтительным для Крыма?

Варианты ответа	Количество ответивших	% от числа ответивших	Среди опрошенных		
			русских	украинцев	татар
Войти в состав Российской Федерации	378	67,7%	75,44%	61,3%	41,9%
Остаться в составе Украины	108	19,35%	12,28%	33,9%	25,8%
Получить независимость	38	6,8%	7,6%	3,2%	9,6%
Другое	34	6,1%	4,7%	1,6%	22,6%

Вполне ожидаемым результатом стал тот факт, что среди русских респондентов процент ориентированных на “историческую родину” был значительно выше. Тем не менее, если вспомнить, что 1 декабря 1991 г. в референдуме 54% населения Крыма и около 43% севастопольцев проголосовало за независимость, то прослеживается явная тенденция разочарования в политическом курсе украинского правительства. Показательно, что даже среди этнических украинцев – жителей города большинство предпочло включенность полуострова в состав РФ. Возможно, такая ситуация была вызвана недовольством линией Л. Кучмы и произошедшая “оранжевая революция” изменила положение, что выяснится после повторного анкетирования населения в 2006 г.

Тем не менее, эти цифры можно проинтерпретировать и в том смысле, что в иерархии идентичностей национальная (в том числе, украинская) и крымская идентичности не являются равноценными для жителей региона. Когда респондентам (по тесту М. Куна) было предложено ответить на вопрос: “Как в первую очередь вы бы оха-

рактизовали себя? Кем вы себя ощущаете прежде всего?”, причем они могли выбрать не более двух из предложенных вариантов ответов (“Гражданин Украины”, “Житель Крыма”, “Житель своего города/деревни”, “Представитель той или иной профессии (студент)”, “Представитель той или иной национальности”, “Верующий той или иной конфессии (православный, мусульманин и т.д.)”, “Человек, имеющий определенные политические убеждения (коммунист, либерал и т.д.)”, “Мужчина/женщина” и др.), *самая высокая интенсивность была зафиксирована именно у крымской идентичности* (ее выбрали 250 человек или около 45% опрошенных). Данный факт трудно переоценить: несмотря на обострение этнических проблем, население многонационального региона ощущает себя как единую общность, что является объективной предпосылкой для предотвращения серьезных этнических конфликтов и формирования толерантности в этнонациональных вопросах.

Разумеется, все идентичности контекстуальны: на дискотеке человек ощущает себя, прежде всего, мужчиной (женщиной) и представителем определенной возрастной группы, на митинге – носителем тех или иных политических убеждений, а при общении с родней – сыном (дочерью) своих родителей. Возможно, сам факт заполнения анкеты тоже создал для респондентов ситуацию, когда та или иная идентичность стала представляться более значимой. Тем не менее, хотя данные и нельзя считать объективными, интересно субъективное приписывание себе той или иной идентичности как первостепенной. Показательно, что *восприятие себя как крымчанина “обошло” по показателям все остальные идентичности*, даже гендерную. Показатель же национальной идентичности хотя и высок, но вдвое ниже (около 20%).

Уточняющим место национальной идентичности стал следующий вопрос анкеты (*Смотри на стр. 137*):

Полученные данные показывают, что наименьшее значение национальная принадлежность имеет для украинцев, которые ощущают себя “титულიной” нацией на полуострове. Русские, в силу сходства своего образа жизни, поведения и т.п. с образом жизни, поведением украинцев, так же не придают решающего значения национальности. Но ситуация коренным образом меняется, когда речь

заходит о респондентах-татарах, – более половины из опрошенных никогда не забывают, членом какой национальной группы они являются, то есть национальная идентификация у них носит базовый характер. Очевидно, что стимулирование других идентичностей (гражданской, прежде всего) у этой группы крымского населения является единственным способом предотвращения конфликтов на этнической почве.

Какое значение для вас имеет ваша этническая (национальная) принадлежность?

Варианты ответа	Количество ответивших	% от числа ответивших	Среди опрошенных		
			русских	украинцев	татар
Я всегда помню, что член своей этнической группы, человек определенной национальности	132	23,7%	21,6%	16,1%	51,6%
Для меня этническая (национальная) принадлежность не имеет существенного значения	274	49,1%	48%	58%	38,7%
Это зависит от ситуации	152	27%	30%	25,8%	9,6%

Одной из наиболее интересных задач исследования стало выявление взаимосвязей между этнической принадлежностью и социальным статусом, доходом, властным ресурсом этнической группы и ее представителей. Украина является правовым государством, поэтому речь шла о наличии или отсутствии неформальной дискриминации по национальному признаку (формальной занимаются юристы). Более того, меня интересовали представления о неравенстве, закрепленные в мифологемах, поскольку анализ данных, полученных многими независимыми исследователями, свидетельствовал, что национальность (в отличие от языка) не является в современной Украине условием жизненного успеха. В частности, не было выявлено взаимозависимости между национальной принадлежностью и уровнем дохода респондентов. Тем не менее, реальность и ее отражение в сознании людей могут сильно отличаться друг от друга, а

согласно теореме Томаса, если люди воспринимают ситуацию как реальную, то она может стать реальной по своим последствиям. Поэтому респондентам был предложен следующий вопрос:

У людей каких национальностей в современном Крыму больше возможностей? (кол-во опрошенных)

	<i>Не знаю, нет ответа</i>	<i>Не зависит от национальности</i>	<i>У татар</i>	<i>У русских</i>	<i>У украинцев</i>	<i>Другой ответ</i>
Занять высокий пост в органах власти	58	232	28	62	158	20
Получить хорошо оплачиваемую работу	44	334	20	64	72	24
Открыть свое дело	34	374	38	46	42	24

В целом, результаты ответа на этот вопрос показывают, что большая часть респондентов не прослеживает прямой зависимости между жизненным успехом и национальной принадлежностью. Тем не менее, если положение дел в бизнесе видится таковым для 67% опрошенных, то занятие высокого поста в органах власти не связывают с национальностью лишь 41,6%, а 28,3% считают украинскую идентичность способствующей государственной карьере. Полученных данных явно недостаточно для того, чтобы говорить о различии между номинальной и реальной идентичностью⁶. Именно поэтому планируется предпринять еще одно исследование текущей этнонациональной и социальной ситуации в Севастополе и Крыму, для чего разрабатывается анкета, позволяющая произвести анализ как социальных потребностей существующих национальных групп, так и степени их удовлетворенности.

Но уже полученные сведения позволяют сделать ряд выводов и предположений.

Во-первых, долгий опыт многонациональной истории Крыма является фактором, гармонизирующим этнонациональные отношения в регионе. “Этническая плотность”, как было показано в ряде исследований (например, Reich & Purbhoo, 1975; Ziegler, 1980;

Wagner & Zick, 1995 и др.), напрямую связана с предпочтением социального разнообразия. Тем не менее, этот запас не безграничен и может быть достаточно быстро исчерпан (недаром отношения в регионе были оценены большинством “как внешне спокойные, но внутренне напряженные”):

1. при возникновении экономических трудностей (в Крыму практически отсутствует средний класс, являющийся естественным стабилизатором социальных отношений. По данным анкеты, 36% опрошенных считают, что их материальное положение за последние 10 лет ухудшилось, а ежемесячный доход у 35% респондентов чрезвычайно низок и приблизительно равен 100 долларам США в месяц);

2. в случае непринятия властями адекватного решения по проблеме двуязычия в регионе;

3. в ситуации резкого прироста численности татарского населения (согласно теории Taylor & Moghaddam, 1994 этническая враждебность при отсутствии целенаправленных гармонизирующих мер между членами явно различающихся между собой групп может быть выражена как криволинейная ($\cap$) зависимость от количества межэтнических контактов, достигающая своего максимума в случае сопоставимости численности различных этнокультурных групп).

Во-вторых, косвенно подтвержденной гипотезой является смещение интересов представителей русского сообщества данного региона в процессе национальной идентификации из сфер культурной и психологической в сферу государственно-политическую и социально-экономическую. По сути, сама национальная идентификация становится процедурой идеологического сплочения группы. В-третьих, в условиях численного доминирования русская диаспора как в Севастополе, так и в Крыму в целом приобретает черты и особенности, которые не укладываются в “классическую” модель диаспоры (что проявляется, прежде всего, в динамике авто- и гетеростеротипов).

---

¹ См.: Статистический сборник за 2002 год. – Севастополь: Государственный комитет статистики Украины, 2003. – С. 159.

² Впервые этнические группы как одно из полей стратификации стали рассматриваться О.И. Шкартаном.

³ Stephen Rapawy, 1999. Ethnic Reidentification in Ukraine. IPC Staff Paper No. 90. Washington, DC: U.S. Bureau of the Census.

⁴ Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.: 2003. – С. 65.

⁵ См.: Статистический сборник за 2002 год. – Севастополь: Государственный комитет статистики Украины, 2003. – С. 159.

⁶ Номинальная идентичность возникает в результате приписывания индивида к общности извне и изнутри, реальная – имеет практические последствия.